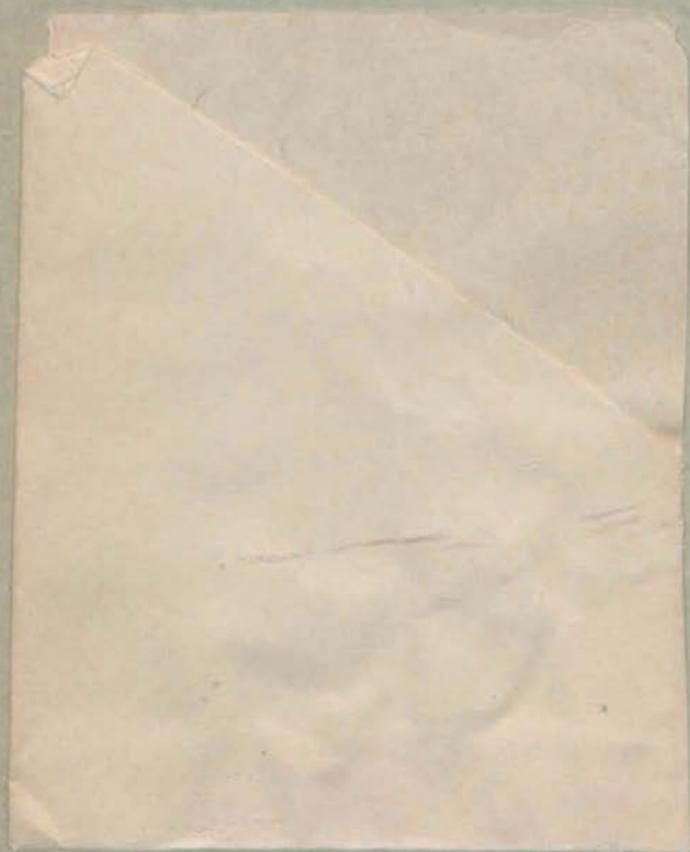


У  $\frac{50}{376}$

ТУЛУНОВ и  
ШЕСТАКОВ.







Н. В. Тулуповъ и  
Л. М. Шестаковъ.



$$\begin{array}{r} 2150 \\ \underline{376} \end{array}$$

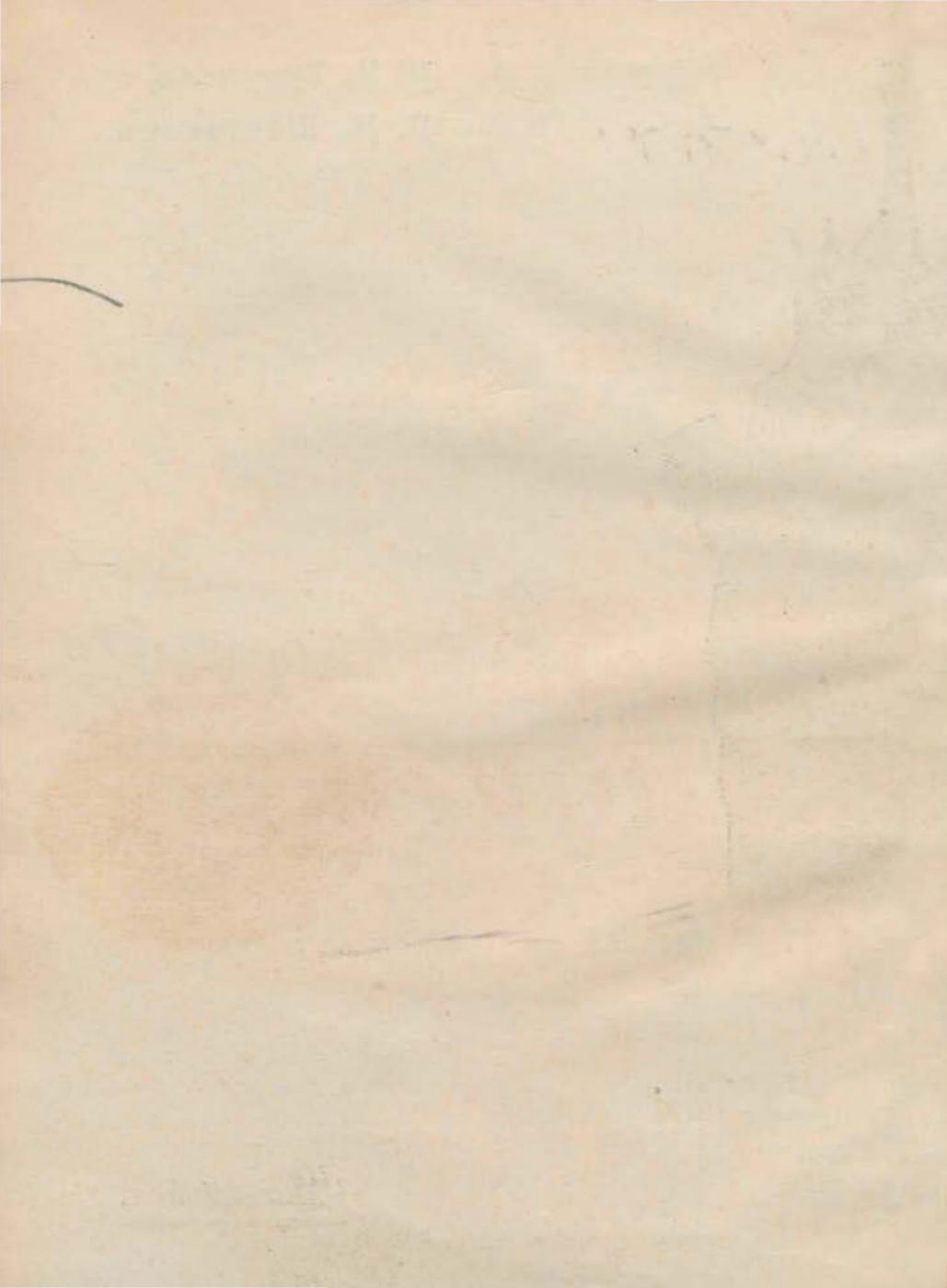
$$\begin{array}{r} 2150 \\ \underline{376} \end{array}$$

# Завѣты школы.



Книжка для раз-  
дачи учащимся  
при оконча-  
ніи курса.

Цѣна 15 коп.



2150  
376

Н. В. ТУЛУПОВЪ и П. М. ШЕСТАКОВЪ.

# ЗАВѢТЫ ШКОЛЫ.

Книжка для раздачи учащимся при окончаніи  
курса.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.  
Москва. — 1910.



U.S. NATIONAL ARCHIVES

RECORDS OF THE DEPARTMENT OF THE INTERIOR

GENERAL INVESTIGATION REPORT



2007079054

„Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мякихъ юношескихъ мѣтъ въ суровое ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорожъ: не подымете потомъ!“

**Н. Гоголь.**



## Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ,  
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,  
Въ сіяньи звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,  
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ...

И, повелѣвъ оставить сѣти,  
Повелъ его изъ града въ градъ,  
Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти  
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

Повелъ его на Западъ славный,  
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ  
Все откровенное издавна  
Великимъ, избраннымъ мужамъ;

Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній  
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ  
И, высоко держа во длани,  
Весь край родной имъ озарилъ.

*А. Н. Майковъ.*

## З в ѣ з д ы.

Въ часъ полночный, близъ потока,  
Ты взгляни на небеса:  
Совершаются далеко  
Въ горнемъ мірѣ чудеса.  
Ночи вѣчныя лампы,  
Невидимы въ блескѣ дня,  
Стройно ходятъ тамъ громады  
Негасимаго огня.  
Но впивайся въ нихъ очами —  
И увидишь, что вдали,  
За ближайшими звѣздами  
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.  
Вновь взглядишь — и тьмы за тьмами  
Утомятъ твой робкій взглядъ:  
Всѣ звѣздами, всѣ огнями  
Бездны синія горятъ.  
Въ часъ полночнаго молчанья,  
Отгнавъ обманы сновъ,  
Ты взглядишь душой въ писанья  
Галилейскихъ рыбаковъ.  
И въ объемѣ книги тѣсной  
Развернется предъ тобой

Безконечный сводъ небесный  
Съ лучезарною красой.  
Узришь — звѣзды мыслей водятъ  
Тайный хоръ свой вкругъ земли;  
Вновь взглядишь — другія всходятъ;  
Вновь взглядишь — и тамъ, вдали,  
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,  
Всходятъ, всходятъ безъ числа,  
И зажжется ихъ огнями  
Сердца трепетная мгла.

*А. С. Хомяковъ.*

### **При огонькѣ.**

Въ убогой избѣ, за промерзшимъ стекломъ  
Огонь запоздалый мерцаетъ...  
Царить непроглядная ночь надъ селомъ,  
И снѣжная буря рыдаетъ.  
Зачѣмъ же такъ поздно горитъ огонекъ?  
Коротокъ ли день для работы,  
Иль тотъ, кто несчастенъ, кто сирь, одинокъ  
И въ ночь не избудетъ заботы?  
Но нѣтъ, тамъ за книгой сидитъ мальчуганъ,  
Задумался... Снова читаетъ,  
Не слышитъ, какъ бьется надъ степью буранъ,  
Не видитъ, какъ ночь пролетаетъ.

Встають передъ нимъ, какъ въ туманной дали,  
Прекрасныя, чудныя страны,  
Тамъ солнце съ любовью горитъ для земли,  
Невѣдомы злыя бураны;  
Тамъ стройныхъ деревьевъ, тамъ чудныхъ цвѣ-  
товъ

Долины прохладныя полны,  
И скалы угрюмыхъ, нѣмыхъ береговъ  
Ласкаютъ пѣвучія волны.  
А завтра, окутанъ холодною мглой,  
Чуть блѣдный разсвѣтъ загорится,  
Все то, что подсказано пылкой мечтой,  
Отъ мальчика снова умчится.  
И снова забота и тягостный трудъ...  
Спасибо же свѣточу знанья,  
Съ которымъ и бѣдныя отдыхъ найдутъ,  
И, вѣрно, бодрѣе свой крестъ понесутъ,  
Исполненный мукъ и страданья.

*В. Н. Ладыженскій.*





Михаилъ Васильевичъ  
Ломоносовъ.

Родился въ 1711 году, умеръ въ 1765 году.

## Помощникъ:

Съ румянымъ, веселымъ лицомъ  
И ясною дѣтской душою  
Онъ трудится рядомъ съ отцомъ  
И вмѣстѣ съ рабочей толпою,  
Съ утра онъ встаетъ у тисковъ;  
И, цѣлые дни не смолкая,  
Всей мощью машинъ и станковъ  
Грохочетъ ему мастерская.

Маль ростомъ, — тиски высоки,  
Но, бойко тряхнувъ головою,  
Къ нимъ мальчикъ пристроилъ мостки,  
Вскочилъ и притопнулъ ногою:  
«Эй, тятка! недѣля всего,  
А я ужъ съ тобою сравнялся!»  
Отецъ посмотрѣлъ на него —  
И весело самъ разсмѣялся.

И чаще подъ грохотъ машинъ  
Отецъ, улыбаясь, мечтаетъ, —  
Что, вотъ, онъ теперь не одинъ,  
Что рядомъ сынокъ помогаетъ;  
И учить онъ сына всему,  
Добытому имъ за работой,

И радостно видѣть ему,  
Что мальчикъ вникаетъ съ охотой:

Ковать ли начнетъ у горна,  
Надъ сталью склонясь раскаленной, —  
Получше какъ сдѣлать, — одна  
Забота въ головкѣ смышленной;  
Не хочется мальчику быть  
Послѣднимъ въ рабочей артели,  
Досаду отцу приносить  
Своимъ неумѣніемъ въ дѣлѣ.

А пилить! а рубить въ тискахъ!  
Пусть бьетъ слабовато ручонка,  
Но гордость сіяетъ въ глазахъ, —  
Вѣдь взрослымъ онъ сталъ изъ ребенка!  
Пусть ростомъ попржнему малъ, —  
Онъ можетъ сказать теперь съ жаромъ:  
— Отцу я помощникомъ сталъ  
И хлѣбъ свой не буду ѣсть даромъ!

*Ө. Гавриловъ.*



## Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ.

Высоко стояли они на лѣсахъ;  
Кипѣла постройка въ проворныхъ рукахъ;  
У ногъ ихъ Парижъ беззаботно шумѣлъ,  
А сѣверный вѣтеръ и вылъ и гудѣлъ.  
Рабочими-нищими были они,  
Имъ платьемъ служили лохмотья одни,  
Отъ голоду щеки ввалилися въ ротъ.  
Да, кто созидаетъ, тотъ славно живетъ!  
Дворецъ вырасталъ подъ руками у нихъ,  
Но вѣтеръ — помощникъ изъ самыхъ плохихъ;  
Онъ мечется, рвется и взадъ и впередъ,  
И шаткія доски помоста трясетъ.  
Вдругъ новый порывъ—и слетѣло все внизъ,  
Къ спасенію остался съ стропиломъ карнизъ;  
Его-то, предвидя свой близкій конецъ,  
Они обхватили, какъ мачту пловецъ.  
А бѣшеный вѣтеръ становится злѣй;  
Стропило трещитъ подъ напоромъ людей!  
Подъ ними же пропасти жадная пасть,  
Довольно движенья, чтобъ разомъ упасть.  
И молвилъ одинъ: «Насъ не скоро спасутъ,  
А вмѣстѣ недолго мы сдержимся тутъ,

Хотя одного продержалъ бы карнизъ...  
Проклятый, онъ снова погнулся! Держись!»  
Вздыхая, замѣтилъ другой ему:— Нѣтъ!  
Семью я имѣю...— А первый въ отвѣтъ:  
«Ну, я одинокъ: значить, выборъ простой.  
Прощай же, пріятель! Господь надъ тобой!»  
Промолвилъ — и жертвенной смертью погибъ.  
Въ грязи онъ о камень свой черепъ расшибъ;  
Про имя его не справлялись вокругъ,  
Но это былъ честный и преданный другъ.

*Иоаннъ Шерръ.*

\* \* \*

О, не забудь, что ты — должникъ  
Того, кто сирь, и нагъ, и блѣдень,  
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,  
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣдень;  
Что отъ небесъ ему одни  
Съ тобой даны права святыхъ  
На все, чѣмъ ясны наши дни—  
На наши радости земныя!  
И тѣхъ страдальцевъ не забудь  
Что обрѣли вѣнецъ терновый,  
Толпѣ указывая путь, —  
Путь къ возрожденью, къ жизни новой!

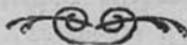
И пусть въ дому твоёмъ найдутъ  
Борьбой измученные братья,  
Забвенье мукъ, отъ бурь приютъ,  
И брата вѣрныя объятъ!

*А. Н. Плещеевъ.*

### Пѣсня работника.

Пускай я не знаю минуты отърадной,  
Пусть тучи висятъ надо мной,  
Я буду работать и жить постоянно  
Для блага отчизны родной.  
Давайте работы! Я молодъ душою  
И силы не мало во мнѣ,  
Давайте хоть соху, хоть грабли съ косою,  
Топоръ или цѣпь на гумнѣ!  
Давайте работы! Мнѣ каждое дѣло  
Легко и привычно, — пока  
Смотрю я на свѣтлую будущность смѣло  
Рабочей семьи бѣдняка.

*С. Дрожжинъ.*



## Въ нѣмецкой деревнѣ.

Пришлось дней десять пробродить пѣшкомъ по чудному, живописному уголку Германіи, по берегамъ Эльбы. Берега Эльбы напоминаютъ наши Жигули на Волгѣ. Вдоль берега внизу и поверху идутъ деревни, тянутся поля, поля и поля. Съ вершинъ утесовъ отрадная картина, — картина мирнаго и сытаго труда. Да, именно *сытаго* труда. Поля всѣ, видимо, хорошо удобрены и обработаны, дороги содержатся въ удивительномъ порядкѣ, — о нашихъ проселкахъ нѣтъ и помину; деревни, — на первыхъ порахъ затрудняешься рѣшить, что это: дѣйствительно деревня или городъ. Въ нашихъ Козельскѣ, Васильсурскѣ, Конотопѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ это были бы однѣ изъ лучшихъ улицъ. Дорога къ деревнѣ на версту впереди и сзади обсажена вишневыми деревьями, подлѣ cadaго дома большіе фруктовые сады. Иду къ деревнѣ вишневой аллеей. Деревья краснѣютъ вишней. У одного дерева подставлена лѣстница, на верху ея съ корзиной на рукѣ парень ножницами стрижетъ ягоды.

— Чьи это ягоды?

— Наши деревенскія.

— Общія?

— Нѣтъ, каждый хозяинъ имѣетъ свои деревья.

— Какъ же деревья тутъ, при дорогѣ? Развѣ другіе — ягоды не берутъ?

— Какъ берутъ? — удивился нѣмецъ и при этомъ съ дерева окинулъ меня такимъ вопросительно-подозрительнымъ взглядомъ, что я поспѣшилъ снять шапку и идти дальше.

Идучи, я разсмѣялся удивленію нѣмецкаго паренька. Онъ не понималъ, какъ «берутъ». Перенести бы его съ вишневой аллеи при дорогѣ въ наши обители, — узналъ бы, какъ берутъ. У насъ не съ дороги, а, случается, и изъ-подъ дому, изъ-за забора все оборвутъ, да и не ягоды только, а оборвутъ и съ вѣтвями и съ сучьями. Вотъ какъ «берутъ». Будь же эта аллея вишневыхъ деревъ при дорогѣ, отъ нея черезъ недѣлю, какъ отъ бабушкина козлика въ сказкѣ, остались бы только рожки да ножки. У всѣхъ тутъ съ дѣтства воспитано чувство законности: охраняютъ чужую собственность не видимые ограда-рѣшетка, заборъ съ замкомъ



Василій Андреевичъ  
**Жуковскій.**

Родился въ 1783 году, умеръ въ 1852 году.

и воротами, а внутреннее уваженіе къ чужому труду.

Деревня поражаетъ своей чистотой и благоустроенностью. Дома въ два этажа, большіе, просторные. На случай пожара выкопаны два большихъ пруда, оба обложены камнемъ; сдѣланы изъ плитъ ступени. Тамъ и сямъ насыпаны груды чистаго песку для игры дѣтямъ. Подхожу къ одной кучѣ. Дѣтишки, какъ по командѣ, всѣ въ одинъ голосъ:

— Добрый день!

Смотрю, на одной половинѣ кучи одинъ мальчуганъ усердно ровняетъ площадь сажени въ двѣ, а другой носить и насыпаетъ какія-то кучки.

— Что это такое, дѣти? — спрашиваю играющихъ.

— Поле.

— Какое поле?

— Для хлѣба.

— А что это онъ дѣлаетъ кучи?

— Навозъ возить.

Я развелъ руками. Какъ пушкинскій рыбакъ въ сказкѣ, подумаль: «Тридцать лѣтъ и три года живу я на бѣломъ свѣтѣ, а не слыхиваль, чтобы рыбка говорила... То, бишь, не слыхи-

валъ, чтобы дѣти въ навозъ играли». Всякія игры въ песокъ видывалъ, — и какъ пирожки пекутъ, и какъ крѣпости строятъ, и какъ людей и лошадокъ лѣпятъ, — ну, а такой не видалъ.

Для меня давно было мучительной загадкой, почему это у насъ каждый годъ то тамъ, то сямъ, недородъ, недородъ и недородъ, а за границей объ этомъ самомъ недородѣ и понятія не имѣютъ. У насъ есть мѣста, гдѣ навозъ въ оврагъ сваливаютъ, а тутъ изъ лѣсу все листья собираютъ. Тутъ за землей, какъ за роженицей, ухаживаютъ. Тутъ вотъ мальчонка 6 лѣтъ и тотъ въ «навозъ» играетъ. Понялъ я тогда, почему нѣмецкій мальчикъ въ штанахъ ходитъ, а нашъ чуть не до усовъ безъ штановъ бѣгаетъ; понялъ, почему и недородовъ здѣсь нѣтъ.

У насъ какъ-то все еще по-дѣдовски на авось да небось надѣются. Поковыряютъ сохой землю, побросаютъ зерна и ждутъ, что пошлетъ Господь за труды людямъ. Вывезла кривая — ладно: съ хлѣбомъ и брагой; не вывезла — ложись и умирай, или по міру въ кусочки иди. Тутъ Бога также крѣпко, не меньше нашего помнятъ, но говорятъ: «Богъ далъ человѣку землю, далъ для

труда руки и голову для мысли, остальное человекъ долженъ уже устраивать самъ».

Земля и руки для труда есть и у насъ. Потуляется на кормилицу-землю нашей деревней больше здѣшняго, но у насъ къ напряженію мышцъ при земледѣльческомъ трудѣ нѣтъ соотвѣтствующаго напряженія мысли. Наша деревня и въ своемъ основномъ трудѣ живетъ въ потемкахъ.

Съ однимъ нѣмцемъ я завелъ разговоръ на школу: вездѣ ли по деревнямъ есть школа, велики ли онѣ, сколько получаетъ учитель?

Нѣмецъ отложилъ въ сторону трубку, отодвинулъ кружку и съ видимой гордостью сказалъ:

— О, школа у насъ лучшее зданіе въ деревнѣ! Какъ же иначе? Если мы разсаду бережемъ въ парникѣ, бережно укрываемъ въ питомникѣ молодыя деревца, — развѣ дѣти не та же разсада, только людская? Ихъ надо растить, какъ дорогіе цвѣтки. Учитель у насъ — дорогой человекъ. Мы и его бережемъ. Онъ имѣетъ большое помѣщеніе и получаетъ сто марокъ въ мѣсяць (по мѣстнымъ условіямъ жизни, марку смѣло можно приравнять рублю).

— А какъ у васъ? — спросилъ онъ меня.

Я вспомнилъ захудалыя избы большинства нашихъ сельскихъ школъ, жалкія каморки учителя, гдѣ дуетъ съ полу и въ щели и гдѣ ученикамъ приходится сидѣть въ тулунахъ, и промычалъ :

— У насъ не такъ.

— Много лучше?—интересовался нѣмецъ.

— Хуже, много хуже, — оборвалъ я.

— Вы шутите, — обиженно сказалъ нѣмецъ, засосалъ трубку, допилъ пиво, кивнулъ головой и вышелъ.

Я также всталъ и съ горькимъ осадкомъ на душѣ пошелъ спать.

*(Изъ разсказа свящ. Г. Петрова.)*

## Трудящемуся брату.

Къ тебѣ, трудящемуся брату,

Я обращаю съ мольбой :

Не покидай на полдорогѣ

Работы, начатой тобой.

Не дай въ бездѣйствіи мертвящемъ

Душѣ забыться и заснуть, —

Трудомъ тяжелымъ и упорнымъ

Ты пролагай свой честный путь.

И чѣмъ бы въ жизни ни грозила

Тебѣ судьба, — ты твердо стой!

И будь высокому призванью

До гроба вѣренъ ты душой.

Пусть громъ гремитъ надъ головою;

Но тучи черныя пройдутъ...

Все одолѣетъ сила духа,

Все побѣдитъ упорный трудъ!

*Суриковъ.*

## Пѣсня Еремушкѣ.

Стой, ямщикъ! жара неслосная

Дальше ѣхать не могу! —

Вишь, пора-то сѣнокосная

Вся деревня на лугу.

У двора у постоялаго

Только нянюшка сидитъ,

Закачавъ ребенка малаго,

И сама почти что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку

Да, зѣвая, креститъ ротъ.

Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку,

Няня дремлетъ и поетъ:

«Ниже тоненькой былиночки  
Надо голову клонить,  
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ  
Безпечально вѣкъ прожить.  
«Сила ломить и соломушку —  
Поклонись пониже ей,  
Чтобы старшіе Еремушку  
Въ люди вывели скорѣй.  
«Въ люди выйдешь, все съ вельможами  
Будешь дружество водить,  
Съ молодницами пригожими  
Шутки вольныя шутить.  
«И привольная и праздная  
Жизнь покатится шутя»...  
Эка пѣсня безобразная!  
— Няня! Дай-ка мнѣ дитя.  
«На, родной! Да ты откуда?»  
— Я проѣзжій, городской. —  
«Покачай, а я покудова  
Подремлю... да пѣсню спой!»  
— Какъ не спѣть! Спою, родимая  
Только, знаешь, не твою  
У меня своя, любимая.  
«Баю-баюшки — баю!»  
Въ пошлой лѣни усыпляющій  
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,

Будь онъ проклятъ растлѣвающій  
Пошлый опытъ — умъ глупцовъ!

«Въ насъ подъ кровлею отеческой  
Не запало ни одно  
Жизни чистой, человѣческой  
Плодотворное зерно.

«Будь счастливей! Силу новую  
Благородныхъ юныхъ дней  
Въ форму старую, готовую  
Необдуманно не лей!

«Жизни вольнымъ впечатлѣніемъ  
Душу вольную отдай,  
Человѣческимъ стремленіямъ  
Въ ней проснуться не мѣшай.

«Съ ними ты рожденъ природою —  
Возлелѣй ихъ, сохрани!  
Братствомъ, равенствомъ, свободою  
Называются они.

«Возлѣби ихъ! На служеніе  
Имъ отдайся до конца!  
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,  
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

«Будешь рѣдкое явленіе,  
Чудо родины своей;  
Не холопское терпѣніе  
Принесешь ты въ жертву ей:



Александръ Сергѣевичъ  
Пушкинъ.

Родился въ 1799 году, умеръ въ 1837 году.

« Необузданную, дикую  
Къ лютот подлости вражду  
И довѣренность великую  
Къ безкорыстному труду.  
« Съ этой ненавистью правою,  
Съ этой вѣрою святой,  
Надъ неправдою лукавою  
Грянешъ Божьею грозой...  
« И тогда-то »... Вдругъ проснулося  
И заплакало дитя.  
Няня быстро встрепенулася  
И взяла его, крестя.  
« Покормись, родимый, грудкою!  
Сыть?.. Ну, баюшки-баю! »  
И запѣла надъ малюткою  
Снова пѣсенку свою.

*Н. Некрасовъ.*



## Д р у г у.

Передъ тобой лежитъ широкій новый путь,  
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердеч-  
ный:

Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь  
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ  
вѣчной,

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной  
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,  
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный  
Да не залетъ въ тебѣ житейская волна.

Поднявъ чело, иди безтрепетной стопою,  
Иди, храня въ душѣ своей чистый идеаль,  
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,  
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ,  
И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,  
Ты скажешь: въ мѣрѣ я оставилъ добрый слѣдъ,  
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощаль-  
ный, —

Ты будешь счастливъ, другъ: иначе счастья  
нѣтъ!

*А. Плещеевъ.*

## К у б о к ъ .

(Изъ Шиллера.)

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой  
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?  
Бросаю мой кубокъ туда золотой:  
Кто същеть во тѣмѣ глубины  
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,  
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,  
Висѣвшей надъ бездною морской,  
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы  
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.  
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?  
Кто същеть мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижно стоять;  
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;  
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;  
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.  
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:  
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой  
Смиренно и дерзко впередъ;  
Онъ снялъ епанчу, снялъ поясъ онъ свой;  
Ихъ молча на землю кладеть...

И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:  
«Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,  
И взоръ устремилъ въ глубину...  
Изъ чрева пучины бѣжали валы,  
Шумя и гремя, въ вышину;  
И волны спирались, и пѣна кипѣла:  
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,  
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,  
Волна за волною; и къ небу летитъ  
Дымящимся пѣна столбомъ;  
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...  
Не море ль изъ моря извергнуться хочеть?

И вдругъ, успокоясь, волнение легло;  
И грозно изъ пѣны сѣдой  
Разинулось черною щелью жерло;  
И воды обратно толпой  
Помчались во глубь истощеннаго чрева;  
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,  
Спасителя-Бога призвалъ...  
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ...  
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.  
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:  
Его не спасеть никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло... Въ ней глухо шумить...  
И каждый, очей отвести  
Не смѣя отъ бездны, печально твердить:  
«Красавецъ отважный, прости!»  
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...  
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ...

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,  
Сказавъ: *кто вѣнецъ возвратитъ,*  
*Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со*  
*мною!*»

Меня твой престолъ не прельститъ.  
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,  
Ничья здѣсь душа не расскажетъ живая.

Не мало судовъ, закруженныхъ волной,  
Глотала ея глубина:  
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой  
Съ ея неприступнаго дна»...

Но слышится снова въ пучинѣ глубокой  
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,  
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,  
Волна за волною; и къ небу летитъ  
Дымящимся пѣна столбомъ...  
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,  
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины  
Мелькнуло живой бѣлизной...

Мелькнула рука и плечо изъ волны...

И борется, спорить съ волной...

И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича —

Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,

И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...

И каждый съ весельемъ, «онъ живъ! — повто-  
рялъ.—

Чудеснѣе подвига нѣтъ!

Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной

Спасъ душу живую красавецъ отважной».

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ тол-  
пой;

Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;

И кубокъ у ногъ положилъ золотой;

И дочери царь приказалъ:

Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;

И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,

Тотъ жизнью земной веселись!

Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...

И смертный предъ Богомъ смиришь:

И мыслью своей не желай дерзновенно

Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной!

Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...  
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;  
Изъ трещины камня лилася вода;  
И вихоръ ужасный повлекъ  
Меня въ глубину съ непонятною силой...  
И страшно меня тамъ кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принесъ,  
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:  
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ  
И крѣпко его обхватилъ;  
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:  
Въ бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной  
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;  
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;  
Но видѣлось страшно очамъ,  
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,  
Морской глубины несказанныя чуды.

Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,  
Въ громадный свиваяся клубъ:  
И млатъ водяной, и уродливый скать,  
И ужасъ морей однозубъ;  
И смертию грозилъ мнѣ, зубами сверкая,  
Мокой ненасытный, гѣна морская.

И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,  
Отъ взора людей далеко;



Николай Васильевичъ  
Гоголь.

Родился въ 1809 году, умеръ въ 1852 году.

Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,  
Во чревѣ земли, глубоко,  
Подъ звукомъ живымъ челоуѣчьяго слова,  
Межъ страшныхъ жильцевъ подземелья нѣмова.

И я содрогался... вдругъ слышу: ползеть  
Стоногое грозно изъ мглы,  
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...  
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..  
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ  
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:  
«Мой кубокъ возьми золотой;  
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,  
Въ которомъ алмазъ дорогой,  
Когда ты на подвигъ отважишься снова  
И тайны всѣ дна перескажешь морскова».

То слыша, царица съ волненьемъ въ груди,  
Краснѣя, царю говоритъ:

— Довольно, родитель! его пощади!  
Подобное кто совершить?  
И если ужъ должно быть опыту снова,  
То рыцаря вышли, не пажа младова.—

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой  
Въ пучину швырнулъ съ высоты:  
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,  
Когда съ нимъ воротись ты;

И дочь моя, нынѣ твоя предо мною  
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;  
Отважность сверкнула въ очахъ;  
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ *она*  
Онъ видитъ: въ *ней* жалость и страхъ...  
Тогда, неописанной радостью полный,  
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумить...  
И пѣною снова полна...  
И съ трепетомъ въ бездну царица глядитъ...  
И бьетъ за волною волна...  
Приходить, уходитъ волна быстротечно...  
А юноши нѣтъ и не будетъ ужь вѣчно.

*В. Жуковский.*



## Перчатка.

(Изъ Шиллера.)

Передъ своимъ звѣринцемъ,  
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,  
Король Францискъ сидѣлъ;  
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ  
На попреще, сраженья ожидая;  
За королемъ, обворожая  
Цвѣтущей прелестію взгляды,  
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.  
Король далъ знакъ рукою —  
Со стукомъ растворилась дверь:  
И грозный звѣрь  
Съ огромной головою,  
Косматый левъ  
Выходитъ;  
Кругомъ глаза угрюмо водить;  
И вотъ, все оглядѣвъ,  
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,  
Пошевелилъ густою гривой,  
И потянулся, и зѣвнулъ,  
И легъ. Король опять рукою махнулъ—  
Затворъ желѣзной двери грянулъ,

И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прынулъ ;  
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,  
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,  
И крадется, косяся взглядомъ,  
И лижетъ морду языкомъ,  
И, обошедши льва кругомъ,  
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.  
И въ третій разъ король махнулъ рукой—  
Два барса дружною четой  
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились ;  
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,  
А левъ съ рыканьемъ всталъ...  
Они смирились,  
Оскаливъ зубы, отошли,  
И зарычали, и легли.

И гости ждуть, чтобъ битва началась.  
Вдругъ женская съ балкона сорвалася  
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...  
Она упала межъ звѣрей.  
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной  
И колкою улыбкою глядитъ  
Его красавица и говоритъ :  
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,  
Ты любишь такъ, какъ говоришь,  
Ты миѣ перчатку возвратишь».  
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,

Къ звѣрямъ, идетъ,  
Перчатку смѣло онъ беретъ,  
И возвращается къ собранью снова.  
У рыцарей и дамъ при дерзости такой  
Отъ страха сердце помутилось;  
А витязь молодой,  
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,  
Спокойно входитъ на балконъ;  
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;  
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...  
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,  
Въ лицо перчатку ей  
Онъ бросилъ и сказалъ: «Не требую награды»

*В. Жуковский.*

## В п е р е д ь .

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья  
На подвигъ доблестный, друзья!  
Зарю святого искупленья  
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.  
Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки  
И вмѣстѣ двинемся впередъ.  
И пусть подъ знаменемъ науки

Союзъ нашъ крѣпнеть и растеть.  
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ  
Глаголомъ истины карать,  
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,  
И поведемъ на битву рать.  
Не сотворимъ себѣ кумира  
Ни на землѣ ни въ небесахъ,  
За всѣ дары и блага міра  
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ...  
Провозглашать любви ученье  
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,  
И за него снесемъ гоненье,  
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.  
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,  
Въ работахъ тяжкихъ истоцилъ:  
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,  
Талантъ свой въ землю не зарылъ.  
Пусть тамъ звѣздой путеводной  
Святая истина горить.  
И вѣрьте, голосъ благородный,  
Не даромъ въ мірѣ прозвучить.  
Внемлите жъ, братья, слову брата:  
Пока мы полны юныхъ силъ,  
Впередъ, впередъ и безъ возврата  
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

*А. Плещеевъ.*

## П л о в е ц ъ.

Нелюдимо наше море,  
День и ночь шумить оно,  
Въ роковомъ его просторѣ  
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,  
Парусъ мой направилъ я:  
Полетитъ на скользки волны  
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,  
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй:  
Будетъ буря! Мы поспоримъ  
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,  
Закипитъ громада водъ,  
Выше валъ сердитый встанетъ,  
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,  
Есть блаженная страна:  
Не темнѣютъ неба своды,  
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны  
Только сильнаго душой!..  
Смѣло, братья! Бурей полный,  
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

*Языковъ.*



Михаилъ Юрьевичъ  
Лермонтовъ.

Родился въ 1814 году, умеръ въ 1841 году.

## Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,  
Громъ по небу грохоталь,  
Слабый умъ судьба страшила,  
Холодъ въ душу проникаль.

Но не палъ я отъ страданья,  
Гордо выдержаль ударъ,  
Сохранилъ въ душѣ желанья,  
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жарь.

Что погибель! что спасенье!  
Будь, что будетъ—все равно!  
На святое Провидѣнье  
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,  
Ею жизнь моя полна;  
Безконечно въ ней стремленье,  
Въ ней покой и тишина...

Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,  
Не зови, судьба, на бой:  
Готовъ биться я съ тобою,—  
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,  
У меня есть въ сердцѣ кровь,  
*Подъ крестомъ*—моя могила,  
*На крестѣ*—моя любовь!

А. Кольцовъ.

## Притча рабби Менахема.

Однажды Богъ сжалился надъ землею, сплошь покрытою зломъ и бѣдствіями, и сказалъ: «Я пошлю людямъ моего любимаго ангела, котораго еще не видѣла земля»... И онъ позвалъ къ себѣ невиннаго ангела, которому имя «Невѣдѣніе зла».

Во взорѣ небожителя была такая глубокая ясность, такая тихая радость и кротость невинности, что всякій разъ, когда взоръ Бога, слишкомъ долго обращенный на грѣшную землю, омрачался, — онъ смотрѣлъ въ лицо своего любимца, въ его синіе, сіяющіе глаза, и самъ прояснялся... Ангель предсталъ передъ Богомъ въ своей бѣлоснѣжной одеждѣ и поднялъ на него свои взоры, въ которыхъ искрилось юное невѣдѣніе...

И Богъ сказалъ своему ангелу: «Лети вотъ туда, на землю, пусть люди увидятъ твою ясность и устыдятся мрачнаго позора. Устыдятся и бросятъ. Твое невѣдѣніе такъ сильно, что и они забудутъ о порокахъ».

Ангель улыбнулся и тихо понесся къ землѣ.

Многіе его видѣли, и кому случалось взглянуть въ его чистые глаза, тотъ просвѣтлялся...

И несчастный забывалъ свое горе, а злой забывалъ свою злобу, и кругомъ ангела злоба смолкала, а онъ летѣлъ дальше, и попережнему глаза его были ясны, потому что онъ не вѣдалъ зла.

Однажды онъ летѣлъ надъ землею и увидѣлъ въ лѣсу человѣка. Человѣкъ шелъ по тропѣ, прислушиваясь къ лѣсному шуму, и озирался, потому что за нимъ гнались люди.

Но ангелъ не зналъ, зачѣмъ люди гонятся за человѣкомъ, и хотѣлъ спуститься къ несчастному и предстать передъ нимъ въ чащѣ, сіяя своею чистотою и кроткой невинностью.

Но въ это время тотъ человѣкъ подошелъ къ жилищу другого человѣка, который сидѣлъ на порогѣ, и, упавъ въ изнеможеніи передъ домомъ, бѣглець сказалъ:

— Я не могу идти дальше, я утомленъ, и за мною погоня, и меня убьютъ. Дай мнѣ пріютъ и защиту подъ твоимъ кровомъ.

И человѣкъ отвѣтилъ:

— Я знаю, кто тебя гонитъ: ихъ отцы и дѣды всегда гнали невинныхъ, а мои отцы и дѣды давали пріютъ слабымъ и угнетеннымъ!.. И я дамъ тебѣ пріютъ. Войди въ мой домъ и усни... Но прежде дай, я разобью твои цѣпи, какъ дѣлали мои отцы и дѣды и завѣщали мнѣ.

И онъ сломалъ цѣпи и сильной рукой бросилъ ихъ далеко, сказавъ :

— Да не осквернится домъ отцовъ моихъ и домъ моихъ дѣтей цѣпями рабства!

И гонимый человекъ вошелъ въ домъ и уснулъ, а ангелъ все слышалъ и видѣлъ и ничего не понималъ, потому что имя его было Невѣдѣніе.

Онъ склонился надъ истомленнымъ, и улыбка заиграла на устахъ спящаго, и душа его стала ясна, а сонъ крѣпокъ.

И потомъ ангелъ подошелъ къ хозяину, сидѣвшему на порогѣ, но хозяинъ не увидѣлъ ангела Невѣдѣнія, потому что взоры его были устремлены въ лѣсъ. Онъ сторожилъ сонъ своего гостя.

Тогда ангелъ полетѣлъ дальше.

И невдалекѣ встрѣтилъ людей, усталыхъ, измученныхъ и разъяренныхъ. Потъ и злоба застилали ихъ глаза, и они не видѣли, что передъ ними ангелъ, а только спрашивали, — не видѣли ли онъ человека въ цѣпяхъ.

И ангелъ, протянувъ съ ясной улыбкой руку къ дому, гдѣ видѣлъ человека въ цѣпяхъ, сказалъ :

— Идите за мной, — онъ тамъ.

И самъ пошелъ впереди и привелъ ихъ къ дому, гдѣ бѣглець спалъ съ улыбкой на лицѣ, потому что душа бѣглеца была ясна.

И только хозяинъ слышалъ шаги людей и увидѣлъ идущихъ, онъ быстро поднялся и вошелъ въ домъ.

И, разбудивъ спавшаго, сказалъ ему:

— Братъ, ты отдохнулъ. Уходи изъ моего дома и спѣши уйти подальше, потому что сюда приближается погоня...

Человѣкъ испугался и сказалъ:

— Они убьютъ меня въ лѣсу. Я слишкомъ долго спалъ у тебя и потому не успѣю уйти... Горе мнѣ, я погибъ.

Но хозяинъ отвѣтилъ:

— Уходи скорѣе, а я займу ихъ здѣсь. Отцы и дѣды завѣщали мнѣ хранить сонъ гостя, и еще никто не страдалъ отъ того, что спалъ въ моемъ домѣ.

Бѣглець повѣрилъ и пошелъ въ лѣсъ, а хозяинъ взялъ оружіе и сталъ на порогѣ.

И люди погони, подойдя, увидѣли хозяина и сказали:

— Въ твоёмъ домѣ есть человѣкъ, котораго мы ищемъ убить. Отдай намъ его.

Но хозяинъ отвѣтилъ:

— Ваши отцы и дѣды всегда гнали невинныхъ, а мои отцы завѣщали мнѣ хранить сонъ гостя.

Тогда люди обнажили мечи, а ангель стоялъ и не принималъ ничего, потому что имя его было Невѣдѣніе.

И сталь скрестилась со сталью и громко звенѣла и визжала, оспаривая жизнь человѣка, который защищалъ жизнь другого...

И долго сталь сверкала, скрежетала и звенѣла, пока, наконецъ, съ короткимъ шипѣніемъ змѣи не впилась въ грудь защитника. И онъ упалъ на порогъ своего дома, обагренный кровью...

Эта кровь брызнула изъ раны и попала на бѣлоснѣжную одежду ангела и осталась на ней алымъ пятномъ. А слухъ ангела былъ пораженъ предсмертнымъ стономъ человѣка, котораго онъ погубилъ по невѣдѣнію...

Гонители же кинулись въ домъ и никого не нашли. И, выйдя оттуда, сказали хозяину:

— Вотъ ты солгалъ, скрылъ отъ насъ истину и самъ умираешь.

А хозяинъ отвѣтилъ:

— Я скрылъ отъ васъ истину, но моя правда ясна передъ Богомъ, потому что я умираю, защитивъ слабого, какъ дѣлали мои отцы и дѣды.

И свою кровь я завѣщаю моимъ дѣтямъ и дѣтямъ, вашимъ.

И съ этими словами онъ умеръ, а ангель, слышавшій всѣ слова, не понялъ ихъ смысла, потому что его имя было Невѣдѣніе...

Но лишь только взглядъ ангела упалъ на алую кровь,—ея отблескъ отразился въ его глазахъ, и они потеряли свою прежнюю ясность... Онъ поднялъ ихъ на людей съ выраженіемъ жалобы и испуга, а затѣмъ, въ ужасѣ смерти, поднялся къ престолу Бога и сталъ передъ Нимъ. И Богъ взглянулъ въ его глаза и на его одежду...

Ангель стоялъ передъ Нимъ, и въ глазахъ его не было ясности, а было смущеніе, и боль, и стыдъ, потому что онъ былъ обагрень кровью. И глаза ангела были мутны, потому что въ нихъ не было уже чистаго невѣдѣнія прежнихъ временъ, но они не засіяли еще скорбнымъ познаниемъ.

И Богъ омрачился, а ангель сказалъ съ упрекомъ :

— О Адонаи, Адонаи!.. Вотъ куда Ты послалъ своего любимца... вотъ что люди сдѣлали со мною... на моемъ сердцѣ теперь камень...

И Богъ, глядя на ангела, заплакалъ :

— О люди, люди! Родъ жестоковый и неисправимый, что вы сдѣлали съ моимъ любимцемъ!



Алексе́й Васи́льевичъ  
Кольцо́въ.

Родился въ 1808 году, умеръ въ 1842 году.

Исполнилась мѣра долготерпѣнія Моего, и Я пролью на васъ гибель...

И, обратившись къ ангелу, сказалъ:

— Какъ это случилось съ тобой, и гдѣ потерялъ ты свою прежнюю ясность?

Тогда ангелъ разсказалъ Адонаю все, что съ нимъ было:

— Въ лѣсу я видѣлъ человѣка въ цѣпяхъ и другого, сидѣвшаго на порогѣ хижины. Они говорили что-то о гоненіяхъ и о защитѣ, но я ничего не понималъ. Потомъ утомленный человѣкъ вошелъ въ хижину, а я полетѣлъ дальше... Я хотѣлъ предстать передъ ними, но они меня не видѣли, потому что были заняты другимъ...

— Имъ не нужна была твоя ясность,—сказалъ Богъ. — Ранѣе ты долженъ бы предстать передъ гонителями, а передъ гонимымъ послѣ.

— Я не зналъ,—сказалъ на это ангелъ. — И дальше я встрѣтилъ другихъ людей, которыхъ глаза застилали потъ и вражда. Они спрашивали, не глядя на меня, гдѣ человѣкъ въ цѣпяхъ. Я улыбнулся имъ и указалъ хижину...

Богъ поникъ головой и сказалъ:

— Горе, великое горе!.. Ты сдѣлалъ не то, что было нужно.

А ангелъ разсказалъ до конца и воскликнулъ:

— Ты самъ послалъ меня на землю. Ты виновень въ томъ, что случилось, а не я!.. Сними же тяжесть, которая давитъ мнѣ сердце, сними съ моей одежды эти отвратительныя алыя пятна!.. Сдѣлай, Предвѣчный, чтобы я не зналъ, какъ прежде, чтобы въ душѣ моей опять воцарилась ясность святого невѣдѣнія..

И ангель, рыдая, склонился передъ престоломъ Бога.

Но Богъ отвѣтилъ:

— Не знаешь самъ, о чемъ просишь. Я не сдѣлаю этого, но сдѣлаю другое: вмѣсто *Невѣдѣнія* я дамъ тебѣ *Скорбное пониманіе*.

И Богъ разсказалъ ангелу, какая кровь обогрила его одежду, и сказалъ ему:

— Я заповѣдаю тебѣ носить эту кровь, какъ святыню. Это чистая кровь, пролитая на защиту слабаго. И, зная это, ты будешь скорбѣть, а невѣдѣніе никогда къ тебѣ не возвратится.. Даже и я не могу изгладить на скрижаляхъ время то, что разъ было въ прошедшемъ. И неужели ты хочешь, чтобы назади осталось все то, что было, а въ твоёмъ сердцѣ царила бы ясная радость... Того ли желаешь, о томъ ли просишь?..

И, пока Богъ говорилъ, въ глазахъ ангела исчезла смущенная боль, и засвѣтилось въ нихъ

скорбное знаніе, и онъ ужаснулся, и упалъ передъ престоломъ Божиимъ, и воскликнулъ:

— Нѣтъ, Всемогущій!.. Не хочу ясности невѣдѣнія!.. Оставь мнѣ навсегда мою скорбь.

И Богъ поднялъ ангела и сказалъ:

— Ты попрежнему будешь моимъ любимцемъ, и моя любовь станетъ къ тебѣ еще больше... Но отнынѣ имя тебѣ будетъ уже не *Невѣдѣніе*... Твое имя *Великая скорбь*...

И ангелъ поднялся и поднялъ глаза на Бога; и Богъ опять съ любовью смотрѣлъ въ эти глаза и видѣлъ въ нихъ... скорбь.

И ангелъ сказалъ:

— Теперь, Господи, отпусти меня опять на землю... Я снесу священную кровь праведника дѣтямъ его и дѣтямъ убійць... И пусть, когда они вырастутъ, ясность замѣнится въ ихъ глазахъ скорбью познанія... И тогда первые будутъ готовы встать на защиту слабыхъ, по обычаю своего рода, и будутъ исполнять завѣщаніе отцовъ до тѣхъ поръ, пока дѣти гонителей поймутъ всю скорбь, истекающую изъ завѣщанія насильниковъ...

И, преклоняясь передъ престоломъ Бога, ангелъ поднялся и, тихо взмахнувъ крылами, понесся къ землѣ, а Богъ съ любовью слѣдилъ за тихимъ полетомъ Скорби.

*В. Короленко.*

## Б ъ г л е ц ъ .

### I.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,  
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла:  
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,  
Гдѣ кровь черкесская текла.  
Отецъ и два родные брата  
За честь и вольность тамъ легли—  
И подъ пятой у супостата  
Лежать ихъ головы въ пыли.  
Ихъ кровь течетъ и просить мщенья...  
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,  
Онъ потерялъ въ пылу сраженья  
Винтовку, шашку — и бѣжить.  
И скрылся день; клубясь, туманы  
Одѣли темныя поляны  
Широкой бѣлой пеленой,  
Пахнуло холодомъ съ востока,

И надъ пустынею пророка  
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.  
Усталый, жаждою томимый,  
Съ лица стирая кровь и потъ,  
Гарунъ межъ скалъ ауль родимый  
При лунномъ свѣтѣ узнаеть.  
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;  
Кругомъ молчанье и покой.  
Съ кровавой битвы невредимый  
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,  
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;  
Тамъ блещетъ свѣтъ — хозяинъ дома.  
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,  
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.  
Селима звалъ онъ прежде другомъ,  
Старикъ пришельца не узналъ:  
На ложѣ, мучимый недугомъ,  
Одинъ онъ молча умиралъ.

## II.

— Великъ Аллахъ: отъ злой отравы  
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ  
Велѣлъ беречь тебя для славы...  
Что новаго? — спросилъ Селимъ,  
Поднявъ слабѣющія вѣжды.

И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,  
И онъ привсталъ, и кровь бойца  
Вновь разыгралась въ часъ конца.

« Два дня мы билися въ тѣснинѣ:  
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,  
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.  
Какъ звѣрь, преслѣдуемъ, гонимъ,  
Съ окровавленными ногами  
Отъ острыхъ камней и кустовъ,  
Я шель безвѣстными тропами  
По слѣду вепрей и волковъ.  
Черкесы гибнуть. Врагъ повсюду.  
Прими меня, мой старый другъ,  
И — вотъ пророкъ! — твоихъ заслугъ  
Я до могилы не забуду».   
А умирающій въ отвѣтъ:  
— Ступай! Достоинъ ты презрѣнья!  
Ни крова ни благословенья  
Здѣсь у меня для труса нѣтъ! —  
Стыда и тайной муки полный,  
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,  
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный  
За непривѣтливый порогъ.  
Главой поникнувъ, съ быстротою  
Гарунъ свой продолжаетъ путь,  
И крупная слеза порою

Съ рѣсницы падаетъ на грудь.  
Но вотъ, отъ бури наклоненный,  
Предъ нимъ родной бѣлѣтъ домъ;  
Надеждой снова ободренный,  
Гарунъ стучится подъ окномъ;  
Тамъ, вѣчно, теплыя молитвы  
Восходятъ къ небу за него;  
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,  
Но ждетъ его — не одного.  
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,  
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,  
Сквозь пули русскія безвредно  
Пришелъ къ тебѣ»...

— Одинъ?

«Одинъ!»

— А гдѣ отецъ и братья?

«Пали.

Пророкъ ихъ смерть благословилъ,  
И ангелы ихъ души взяли».

— Ты отомстилъ?

«Не отомстилъ...

Но я стрѣлой пустился въ горы,  
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,  
Чтобы твои утѣшить взоры  
И утереть слезу твою».



Иванъ Саввичъ  
Никитинъ.

Родился въ 1824 году, умеръ въ 1861 году

III.

— Молчи, молчи, гяуръ лукавый!  
Ты умереть не могъ со славой!  
Такъ удались, живи одинъ.  
Твоимъ стыдомъ, бѣглець свободы,  
Не омрачу я стары годы.  
Ты рабъ и трусь... а мнѣ не сынъ!..—  
Умолкло слово отверженья,  
И все кругомъ объято сномъ.  
Проклятья, стоны и моленья  
Звучали долго подъ окномъ.  
И, наконецъ, ударъ кинжала  
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,  
И мать поутру увидала,  
И хладно отвернула взоръ.  
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,  
Никто къ кладбищу не отнесъ,  
И кровь его съ глубокой раны  
Лизаль, рыча, домашній песъ.  
Ребята малые ругались  
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;  
Въ преданьяхъ вольности остались  
Позоръ и гибель бѣглеца.

Душа его отъ глазъ пророка  
Со страхомъ удалилась прочь,  
И тѣнь его въ горахъ Востока  
Понинѣ бродить въ темну ночь;  
И подь окномъ, поутру рано,  
Онъ въ саклю просится, стуча;  
Но, внемля громкій стихъ Корана,  
Бѣжитъ опять подь сѣнь тумана,  
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

*М. Ю. Лермонтовъ.*

\* \* \*

Медленно движется время, —  
Вѣруй, надѣйся и жди...  
Зрѣй, наше юное племя!  
Путь твой широкъ впереди.  
Молніи насъ освѣтили,  
Мы на распутьи стоимъ...  
Мертвые въ мирѣ почили,  
Дѣло настало живымъ.  
Свялось сѣмя вѣками, —  
Корни въ землѣ глубоко;  
Срубишь лѣса топорами, —  
Зло вырывать не легко:  
Намъ его въ дѣтствѣ привили,

Дѣды сроднились съ нимъ...  
Мертвые въ мирѣ почили,  
Дѣло настало живымъ.  
Стыдъ, кто безсмысленно тужить,  
Листья зашепчуть: онъ нѣмъ!  
Слава, кто истинѣ служить  
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!  
Поздно глаза мы открыли,  
Дружно на трудъ поспѣшимъ...  
Мертвые въ мирѣ почили,  
Дѣло настало живымъ.  
Рыхлая почва готова,  
Сѣйте, покуда весна:  
Добраго дѣла и слова  
Не пропадутъ сѣмена.  
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —  
Внукамъ отвѣтъ отдадимъ...  
Мертвые въ мирѣ почили,  
Дѣло настало живымъ.

И. Никитинъ.



## В п е р е д ь .

Впередь! забудь свои страданья,  
Не отступай передь грозой,  
Борись за дальнее сіянье  
Зари, блеснувшей въ тьмѣ ночной!  
Трудись, покуда сильны руки,  
Надежды ясной не теряй,  
Во имя свѣта и науки  
Свой честный свѣточъ подымай!  
Пуškai клеймятъ тебя презрѣньемъ,  
Пуская безмысленный укоръ  
Въ тебя бросаетъ съ озлобленьемъ  
Толпы поспѣшный приговоръ:  
Иди, не падая душою,  
Своею торною тропой,  
Встрѣчая грудью молодую  
Всѣ бури жизни трудовой.  
Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой,  
Упавшимъ руки подавай  
И слово истины высокой  
Въ толпу, какъ лучъ живой, бросай.

*С. Надсонъ.*

## С в я т а я .

Надрываясь отъ стоновъ пронзительныхъ,  
Какъ грозой пораженные, вдругъ  
Люди падали въ корчахъ томительныхъ,  
Трепеща отъ испуга и мукъ.  
Чьи-то руки чужія, суровыя  
Поднимали страдальцевъ съ земли  
И кидали въ повозки холщевыя  
И куда-то поспѣшно везли.  
Подъ дощатыя крыши барачныя  
День и ночь, каждый мигъ, безъ конца  
Подходили носильщики мрачныя  
И бросали — почти мертвеца.  
Сотни тѣлъ, полутруповъ чуть бившихся,  
Тамъ ложились одинъ предъ другимъ,  
И въ сосѣда очахъ закатившихся  
Каждый видѣлъ, что смерть передъ нимъ.  
И ничьею рукой не пригрѣтыя,  
Зачумленные груды людей,  
Всѣми брошены, всѣми отпѣтыя,  
Задыхались въ мукѣ своей.  
Въ эту страшную бездну страданія,  
Гдѣ отъ ужаса стыла душа,

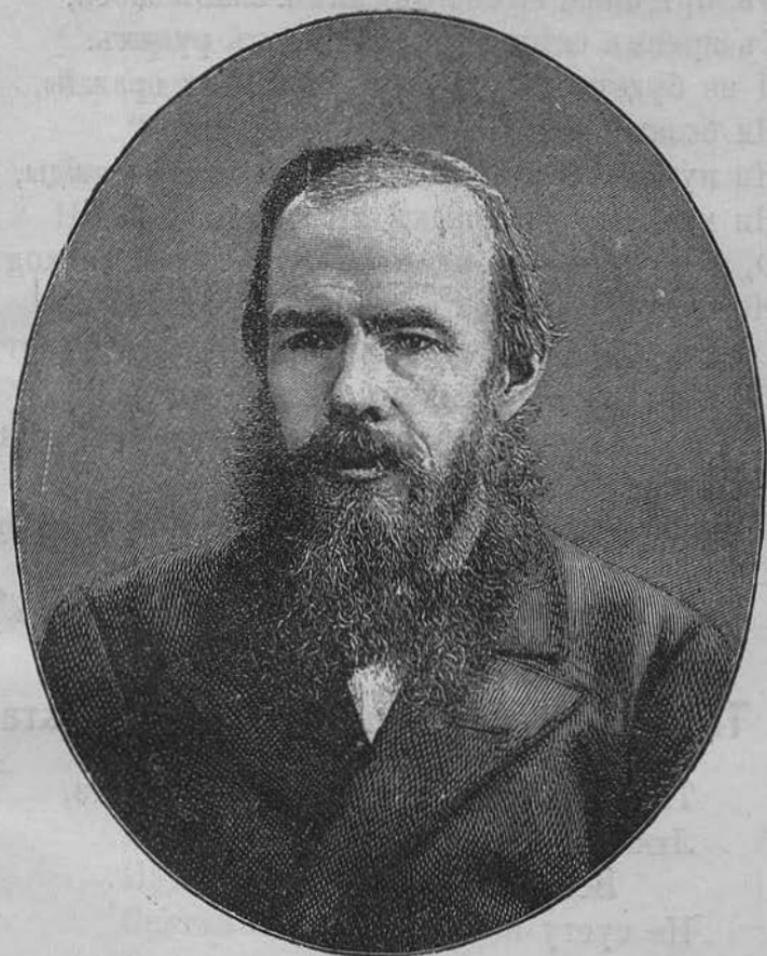
Ты явилась, полна состраданія,  
Безпредѣльной любовью дыша.  
Терпѣливая, твердая, ясная,  
Ты готова была умереть,  
Только бъ страждущихъ души несчастныя  
Чѣмъ-нибудь оживить и согрѣть.  
Вся сіяя отъ тайнаго счастья,  
Ты ласкала спасенныхъ тобой,  
И съ небесной улыбкой участія  
Съ улетавшей прощалась душой.  
Очи милыя, очи скорбящія,  
Очи, полныя сдержанныхъ слезъ,  
Улыбались, какъ звѣзды блестящія,  
Всѣмъ, кто муки смертельныя несъ!  
Точно мать надъ дѣтьми умиравшими,  
Ты склонялась въ послѣдній ихъ мигъ  
И шептала устами дрожавшими  
На колѣняхъ молитву за нихъ.  
И вливался въ сердца наболѣвшія  
Свѣтлый, тихій, послѣдній покой...  
И усопшихъ глаза потускнѣвшіе  
Закрывала ты нѣжной рукой.  
Смерть вездѣ надъ тобою носилася,  
Скорь былъ твой лучезарный конецъ—  
Надорвалося сердце — разбилося  
Посреди воскресенныхъ сердець.

Успокоилось тѣло, убитое  
Страшнымъ ядомъ и страшнымъ трудомъ...  
Бѣлымъ саваномъ мирно обвитая  
Отдохнула въ гробу ты своемъ!  
Свѣтъ спокойный, торжественный, радостный  
На застывшемъ виднѣлся челѣ,—  
Вся любовью исполнена благодной  
Ты святою прошла по землѣ.  
И могила у моря далекая  
Учить насъ, какъ любить и страдать  
Какъ съ отрадой и вѣрой глубокою  
За несчастныхъ всю душу отдать.

*И. Горбунъ-Посадовъ.*

\* \* \*

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій  
братъ,  
Кто бы ты ни былъ, не падай душой:  
Пусть неправда и зло полновластно царятъ  
Надъ омытой слезами землей,  
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеаль  
И струится невинная кровь:  
Вѣрь,—настанетъ пора—и погибнетъ Вааль  
И вернется на землю любовь!  
Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,  
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—



Федоръ Михайловичъ  
Достоевскій.

Родился въ 1821 году, умеръ въ 1881 году.

Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,  
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.  
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,  
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,  
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,  
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.  
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,  
Не пустая надежда одна:  
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,  
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!  
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,  
Утомится безумной борьбой,—  
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви  
Очи, полныя скорбной мольбой!..

*С. Надсонъ.*

## **Ты жаждалъ правды, жаждалъ свѣта.**

Ты жаждалъ правды, жаждалъ свѣта,  
Любовью къ ближнему согрѣта  
Всегда была душа твоя.  
Не суету и наслажденье —  
Добру высокое служенье  
Считалъ ты цѣлью бытія.  
И, провозвѣстникъ жизни новой,  
На подвигъ трудный и суровый

Ты съ юныхъ дней себя обрекъ...  
Съ горячей вѣрой, съ сердцемъ чистымъ,  
Ты бодро шель путемъ тернистымъ,  
Тщеславныхъ помысловъ далекъ.  
Давно ужъ нѣтъ тебя межъ нами,  
Но надъ правдивыми сердцами  
Еще ты властвуешь досель.  
И, духомъ падшихъ ободряя,  
Горитъ звѣздой въ ночи — благая,  
Тобой указанная цѣль!

*А. Плещеевъ.*

### **П р и з ы в ъ.**

Довольно демонъ радости  
Леталь съ мечомъ карающимъ  
Надъ русскою землей!  
Довольно рабство тяжкое  
Одни пути лукавые  
Открытыми, влекущими  
Держало на Руси!  
Надъ Русью оживающей  
Святая пѣсня слышится:  
То ангелъ милосердія,  
Незримо пролетающій  
Надъ нею, — души сильныя  
Зоветь на честный путь:

Нейди просторною  
Дорогой торною:

Страстей раба,  
По ней громадная,  
Къ соблазну жадная  
Идетъ толпа.

О жизни искренней,  
О цѣли выпрренной  
Тамъ мысль смѣшна,  
Кипитъ тамъ вѣчная,  
Безчеловѣчная

Вражда — война  
За блага брѣнные...

Тамъ души плѣнные,  
Въ цѣпяхъ умы,  
Ключомъ кипящая,  
Тамъ жизнь мертвящая,  
Тамъ — царство тьмы...

Иные — чистые  
Пути тернистые  
Обрѣтены...

Иди къ униженнымъ,  
Иди къ обиженнымъ —

По ихъ стопамъ,  
Гдѣ трудно дышится,  
Гдѣ горе слышится, —  
Будь первый тамъ!

*Н. Некрасовъ.*

## Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій  
о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ под-  
держка и опора, о великій, могучій, правдивый  
и свободный русскій языкъ!

Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе  
при видѣ всего, что совершается дома? Но  
нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ  
великому народу!

*И. Тургеневъ.*

## Великое слово.

Когда самовластье царило кругомъ,  
И плакало сердце народа,  
Звучало мнѣ ночью и радостнымъ днемъ  
Великое слово — свобода,  
Въ угрюмой тайгѣ, забайкальскихъ снѣгахъ,  
Гдѣ плачетъ о волѣ природа,

Носилась въ моихъ лучезарныхъ мечтахъ  
Великое слово — свобода.

Я помню: въ башкирской деревнѣ глухой,  
Подъ гнетомъ голоднаго года,  
Рыдалъ я, тебя вспоминая съ тоской,  
Великое слово — свобода.

Когда пробуждался родимый народъ,  
Шумѣла кругомъ непогода, —  
Въ душѣ неустанно, бывало, поетъ  
Великое слово — свобода.

Я вѣрю въ побѣду высокихъ идей, —  
Уйдетъ вѣковая невзгода,  
Блеснетъ въ ореолѣ алмазныхъ лучей  
Великое слово — свобода.

*Анатолій Доброхотовъ.*

## П а р у с ь.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій

Въ туманѣ моря голубомъ...

Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?

Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,

И мачта гнется и скрипитъ...

Увы! онъ счастья не ищетъ,

И не отъ счастья бѣжить!  
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,  
Надъ нимъ лучъ солнца золотой:  
А онъ, мятежный, ищетъ бури,  
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

*М. Ю. Лермонтовъ.*

## Р у с ь.

Битву кровавую	Сила могучая,
Съ сильной державою	Совѣсть спокойная,
Царь замышлялъ.	Правда живучая!
«Хватить ли силушки?	Сила съ неправдою
Хватить ли золота?»	Не уживается,
Думалъ, гадалъ.	Жертва неправдою
Ты и убогая,	Не вызывается —
Ты и обильная,	Русь не шелохнется,
Ты и могучая,	Русь — какъ убитая!
Ты и безильная,	А загорѣлась въ ней
Матушка-Русь!	Искра сокрытая —
Въ рабствѣ спасенное	Встали — не бужены,
Сердце свободное —	Вышли не прошены,
Золото, золото	Жита по зернышку
Сердце народное!	Горы наношены,
Сила народная,	Рать подымается

Неисчислимая,	Ты и обильная,
Сила въ ней скажется	Ты и забытая,
Несокрушимая!	Ты и всесильная,
Ты и убогая,	Матушка-Русь!..

*Н. Некрасовъ!*

## Пѣсня о соколѣ.

«Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

«Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зноемо дышали въ небо, и бились волны внизу о камень...

«И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача чрезъ камни.

«Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

«Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

«Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...



Николай Алексѣевичъ  
**Некрасовъ.**

Родился въ 1821 году, умеръ въ 1877 году.

«Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, что жизни птицы двѣ-три минуты...

«Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— «Что, умираешь?»

— «Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко. — Я славно пожилъ!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видѣлъ небо.. Ты не увидишь его такъ близко!.. Эхъ, ты, бѣдняга!

— «Ну, что же небо? — пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

«Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

«И такъ подумалъ: «летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ»...

«Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

«Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

«И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— «О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... за-

хлебнулся бѣ моей онѣ кровью!.. О, счастье битвы!..

«А Ужъ подумаль: «должно-быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онѣ такъ стонеть!..»

«И предложилъ онѣ свободной птицѣ: «А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайся».

«Быть-можетъ, крылья тебя поднимутъ и проживешь еще немного въ твоей стихіи.

«И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

«И подошелъ онѣ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и внизъ скатился.

«И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онѣ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...

«Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

«А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились... И трупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ...

«Въ ущельи лежа, Ужъ долго думаль о смерти птицы, о страсти къ небу.

«И вотъ взглянулъ онѣ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастье».

— «А что онъ видѣлъ, умершій Соколь, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть не надолго.

«Сказалъ и — сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись; онъ прынулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

«Рожденный ползать — летать не можетъ!.. Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убится, а разсмѣялся...

— «Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она — въ паденьи!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоруы? Затѣмъ, чтобъ ея прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!.. Но не обмануть теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить

не могутъ, живутъ обманомъ... Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье — землей живу я.

«И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордаясь собой.

«Блестѣло море все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

«Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни:

«Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

«Безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни! О, смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время — и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердець зажгутъ безумной жажды свободы, свѣта!

«Пускай ты умерь!.. Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

«Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!..»

*М. Горькій.*



## Пѣсня о Буревѣстникѣ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо вѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ,—и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, -- имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ и пляшутъ волны въ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочеть. Въ пѣнѣ гнѣва стонуть волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятыемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣветъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылають стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловить стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненные змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣветъ между молній надъ ревушимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

*М. Горькій.*

## Изъ „Рыцаря на часъ“.

Спи, кто можетъ — я спать не могу,  
Я стою потихоньку, безъ шуму,  
На покрытомъ стогами лугу  
И невольную думаю думу.  
Не умѣлъ я съ тобой совладать,  
Не осилилъ я думы жестокой...  
Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать  
    На могилѣ далекой,  
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...  
Повидайся со мною, родимая!  
Появись легкой тѣнью на мигъ!  
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,  
Всю ты жизнь прожила для другихъ.  
Съ головой, бурямъ жизни открытою,  
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою  
Простояла ты, грудью своей  
Защищая любимыхъ дѣтей.  
И гроза надъ тобой разразилася!  
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,  
За враговъ, умирая, молилася,  
На дѣтей милость Бога звала.  
Неужели за годы страданія



Алексѣй Николаевичъ  
Плещеевъ.

Родился въ 1825 году, умеръ въ 1893 году.

Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,  
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія  
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..  
Я кручину мою многолѣтнюю  
На родимую грудь изолью,  
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,  
Мою горькую пѣсню спою.  
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,  
Я заставлю страдать тебя вновь,  
Но я гибну—и ради спасенія  
Я твою призываю любовь!  
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,  
Чтобы кроткія очи твои  
Смыли жаркой слезою страданія  
Всѣ позорныя пятна мои!  
Чтобъ ту силу свободную, гордую,  
Что въ мою заложила ты грудь,  
Укрѣпила ты волею твердою  
И на правый поставила путь...  
Треволненья мірскаго далекая,  
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,  
Русокудрая, голубоокая,  
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,  
Подъ грозой величаво-безгласная—  
Молода умерла ты, прекрасная,  
И такой же явилась ты мнѣ

При волшебнo свѣтящей лунѣ.  
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,  
И на судъ твой себя отдаю.  
Не робѣть передъ правдой-царицею  
Научила ты музу мою:  
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,  
Не обидно враговъ торжество!  
Изреки только слово прощенья,  
Ты, чистѣйшей любви божество!  
Что враги? Пусть клеветуютъ язвительнѣй:  
Я пощады у нихъ не прошу,  
Не придумалъ имъ казни мучительнѣй  
Той, которую въ сердцѣ ношу!  
Что друзья? Наши силы не ровныя,  
Я ни въ чемъ середины не зналъ,  
Что обходятъ они, хладнокровныя,  
Я на все безразсудно дерзалъ:  
Я не думалъ, что молодость шумная  
Что надменная сила пройдетъ,—  
И влекла меня жажда безумная,  
Жажда жизни, впередъ и впередъ.  
Увлекаемъ безславною битвою,  
Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,  
Поднимался твоею молитвою,  
Снова падалъ — и вовсе упалъ!..  
Выводи на дорогу тернистую!

Разучился ходить я по ней,  
Погрузился я въ тину нечистую  
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.  
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,  
Обадряющихъ руки въ крови,  
Уведи меня въ станъ погибающихъ  
За великое дѣло любви!  
Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилася,  
Можетъ смертию еще доказать,  
Что въ немъ сердце не робкое билося,  
Что умѣлъ онъ любить...

*Н. А. Некрасовъ*

## Добрая память.

Каждый годъ, какъ наступитъ весна  
И зальются поляны водою,  
Вся деревня идетъ на погостъ,  
На могилу подъ липой густою.  
Съ уваженьемъ колѣна народъ  
Передъ этой могилой склоняетъ;  
Шлютъ молитву простыя сердца  
За того, кто въ землѣ почиваетъ.  
Позабыто ужъ имя его, —

Только память о немъ не забыта;  
Оттого-то къ могилѣ всегда  
Такъ широко тропа и пробита.  
Здѣсь собираются лѣтней порой  
Изъ ближайшей деревни ребята:  
Это мѣсто ужъ съ давнихъ временъ  
Для крестьянина cadaго свято.  
Всякій праздникъ, какъ только во храмъ  
Мужичокъ помолиться приходитъ,  
Непремѣнно, обратно идя,  
Поклониться могилѣ заходить.  
Въ ней лежитъ не бояринъ большой  
Знаменитаго сызстари рода,  
За великое въ жизни добро  
Приобрѣтшій почетъ отъ народа.  
Въ ней схороненъ простой мужичокъ,  
Цѣлый вѣкъ боронившій, пахавшій,  
Но высокой души челоуѣкъ,  
Ни корысти ни злобы не знавшій.  
Былъ онъ другомъ для бѣдныхъ людей,  
И, за cadaго сердцемъ страдая,  
Цѣлый вѣкъ онъ прожилъ для другихъ,  
Для другихъ самъ себя забывая.  
И добромъ его долгая жизнь,  
По разсказу преданья, богата;  
И, для счастья ближнихъ живя,

Онъ и умеръ за счастье брата.  
Разлилася широко рѣка,  
Все, что ветхо, водой подмывая...  
Онъ погибъ въ золотую весну,  
Погибавшихъ малютокъ спасая.  
Съ той поры, каждый годъ по веснѣ,  
Какъ зальются поляны водою,  
Вся деревня идетъ на погость,  
На могилу подъ липой густою.

*А. В. Кругловъ.*

### **Цвѣтокъ въ тюрьмѣ.**

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ;  
Ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса;  
Днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ,  
Ласково смотря на нихъ небеса.  
Съ бабочкой пестрой, гудящей пчелою,  
Съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ;  
Весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,  
Милъ имъ родимаго поля просторъ!  
Вотъ они видятъ: въ окнѣ, за рѣшеткой,  
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...  
Солнца не зная, печальный и кроткій  
Выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ—одинокъ.

Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало,  
Хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:

— Солнце тебя никогда не ласкало,  
Брось эти стѣны, зачахнешь ты тутъ!

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ, — хоть весело въ  
полѣ,

И наряжаетъ васъ ярко весна,  
Но не завидую вашей я долѣ,  
И не покину сырого окна.

Пышно цвѣтите! своей красотой  
Радуйте, братья, счастливыхъ людей;  
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою  
Солнца лишень и полей.

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ.

Узника я утѣшаю одинъ,

Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ  
Зелень родимыхъ долинъ!

*А. Н. Плещеевъ.*



## Двѣ дороги.

Двѣ легли дороги, братья, передь нами.

А какая лучше, разсудите сами.

Первая дорога — широка, привольна;

Всякаго народу ходить тутъ довольно;

Глаже, веселѣе не сыскать дороги:

Не изрѣжутъ камни пѣшеходу ноги;

По бокамъ все роци съ темною листвою;

• Есть гдѣ приютиться отъ дождя и зною.

И въ садахъ роскошныхъ недостатка нѣту,

И гулять въ нихъ можетъ всякой безъ запрету.

Тамъ плоды на солнцѣ, наливаясь, зрѣютъ,

Тамъ цвѣты въ зеленой муравѣ нестрѣютъ,

Какъ богатой ткани яркіе узоры,

Любоваться ими не устанутъ взоры;

И ведетъ не къ горю, не къ нуждѣ гнетущей,

А къ счастливой долѣ этотъ путь цвѣтущій.

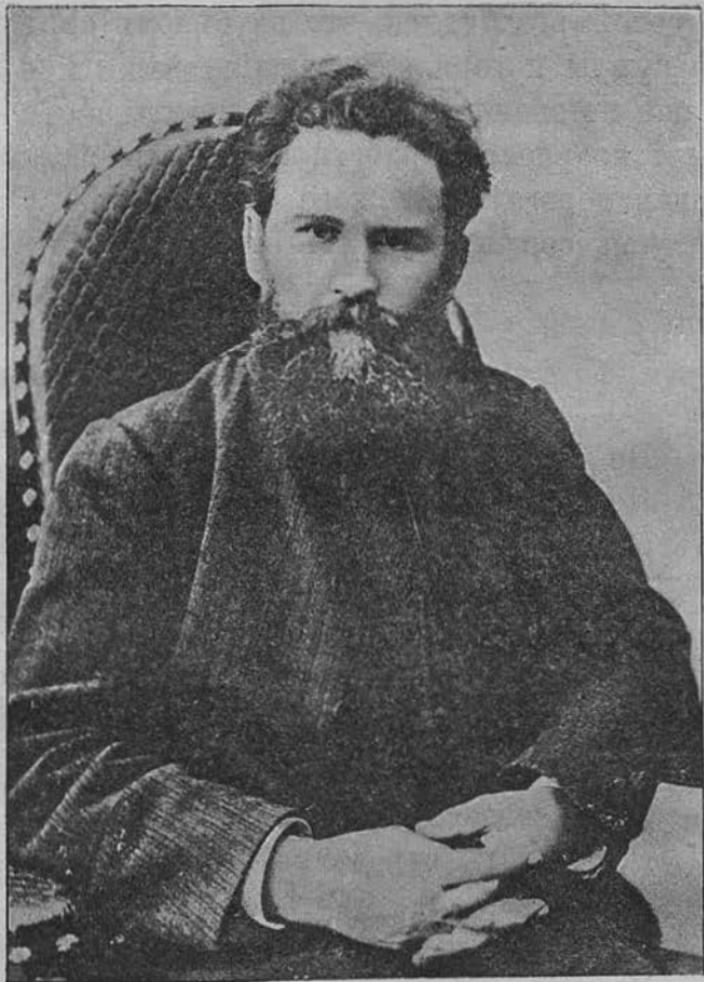
Въ роскоши да въ нѣгѣ, весело, богато

Заживетъ счастливецъ въ расписныхъ палатахъ;

Передь нимъ холопы будутъ изгибаться,

Отъ него подачки жадно добиваться...

Золотомъ пресыщенъ и пресыщенъ властью,



Владимиръ Галактіоновичъ  
Короленко.

Родился въ 1853 году.

Попривыкнувъ къ лести и къ подобоострастью,  
Онъ совсѣмъ забудеть, что на бѣломъ свѣтѣ  
Есть нужды и горя страждущія дѣти,  
Что они не знаютъ счастья до могилы,  
А чела не клонять рабски передъ силой.  
Славная дорога! Хоть кого заманить,  
Околдуетъ сердце — разумъ отуманить!

II.

Но другой есть путь кремнистый,  
По горамъ крутымъ идти;  
Не шумить здѣсь садъ тѣнистый,  
И не зрѣеть сочный плодъ.  
Только острые каменя  
Чья-то щедрая рука  
Разбросала на мученье  
Пѣшехода-бѣдняка.  
Тернъ колючій то и дѣло  
Вырастаетъ изъ земли,  
И ему вонзаетъ въ тѣло.  
Иглы острия свои.  
И идущимъ по такому  
Безотрадному пути —  
Въ золоченыя хоромы,

Къ наслажденью не прійти!  
И не ждуть они веселья,  
На пирахъ имъ мѣста нѣтъ:  
Въ путь они пустились съ цѣлюю  
Проложить въ пустынь слѣдъ.  
Хоть угрюма та дорога  
И не къ радостямъ ведетъ,  
Но по ней, за ними много  
Новыхъ путниковъ поидетъ  
Съ упованьемъ, что желанный  
Часъ придетъ когда-нибудь,  
Что на край обѣтованный  
Будетъ имъ дано взглянуть;  
И съ душою умиленной,  
Въ этотъ часъ, съ крутыхъ высотъ,  
Солнца-правды надъ вселенной  
Встрѣтятъ путники восходъ!..  
Такъ-то, братья! Передъ нами  
Пролегаютъ два пути;  
Разсудите же вы сами,  
По какому намъ итти.

*А. Н. Плещеевъ.*



## Самоотверженная дѣвушка.

Ко мнѣ позвонила одна дѣвушка. Она познакомилась со мной еще зимою. Она хочетъ держать одинъ довольно трудный экзаменъ, энергически готовится къ нему и, конечно, его выдержитъ. Изъ дому она даже богатаго и въ средствахъ не нуждается, но очень заботится о своемъ образованіи и приходила спрашивать у меня совѣтовъ: что ей читать, на что именно обратить наиболѣе вниманія. Она посѣщала меня не болѣе раза въ мѣсяцъ, оставалась всегда не болѣе десяти минутъ, говорила лишь о своемъ дѣлѣ, но не многорѣчиво, скромно, почти застенчиво, съ чрезвычайной ко мнѣ довѣрчивостью. Но нельзя было не разглядѣть въ ней весьма рѣшительнаго характера, и я не ошибся. Въ этотъ разъ она вошла и прямо сказала:

— Въ Сербіи нуждаются въ уходѣ за больными. Я рѣшилась пока отложить мой экзаменъ и хочу ѣхать ходить за ранеными. Что бы вы мнѣ сказали?

И она почти робко посмотрѣла на меня, а между тѣмъ я уже ясно прочелъ въ ея взглядѣ,

что она уже рѣшилась, и что рѣшеніе ея неизмѣнно. Но ей надо было и мое напутствіе.

Миѣ вдругъ стало очень жаль ее, — она такъ молода. Пугать ее трудностями, войной, тифомъ въ лазаретахъ было совсѣмъ лишнее; это значило бы подливать масла въ огонь. Тутъ была единственно лишь жажда жертвы, подвига, добраго дѣла и, главное, что всего было дороже — никакого тщеславія, никакого самоупоенія, а просто желаніе — «ходить за ранеными», принести пользу.

— Но вѣдь вы не умѣете ходить за ранеными?

— Да, но я уже справлялась и была въ комитетѣ. Поступающимъ даютъ срокъ въ двѣ недѣли и я, конечно, приготовлюсь.

И, конечно, приготовится; тутъ слово съ дѣломъ не рознится.

— Слушайте, — сказала я ей, — я не пугать васъ хочу и не отговаривать, но сообразите мои слова и постарайтесь взвѣсить ихъ по совѣсти. Вы росли совсѣмъ не въ той обстановкѣ, вы видѣли лишь хорошее общество и никогда не видали людей иначе, какъ въ ихъ спокойномъ состояніи, въ которомъ они не могли нарушать хорошаго тона. Но тѣ же люди на войнѣ, въ тѣснотѣ, въ тяготѣ, въ трудахъ, становятся ино-

гда совсѣмъ другими. Вдругъ вы всю ночь ходили за больными, служили имъ, измучились, едва стоите на ногахъ, и вотъ докторъ, можетъ-быть, очень хорошій самъ по себѣ чело-вѣкъ, но усталый, надорванный, только что от-рѣзавшій нѣсколько рукъ и ногъ, вдругъ, въ раздраженіи, обращается къ вамъ и говоритъ: «Вы только портите, ничего не дѣлаете! Коли взялись, надо служить» и проч. и проч. Не тяжело ли вамъ будетъ вынести? А между тѣмъ это непременно надо предположить, и я подымаю передъ вами лишь самый крошечный уголокъ. Дѣйствительность иногда очень неожиданна. И, наконецъ, перенесете ли вы, увѣрены ли вы, что перенесете, несмотря на всю твердость рѣшенія вашего, самый этотъ уходъ? Не упадете ли въ обморокъ въ виду иной смерти, раны, операціи? Это происходитъ помимо воли, безсо-знательно...

— Если мнѣ скажутъ, что я порчу дѣло, а не служу, то я очень пойму, что этотъ докторъ самъ раздраженъ и усталъ, а мнѣ довольно лишь знать про себя, что я не виновата и исполнила все какъ надо.

— Но вы такъ еще молодъ, какъ можете вы ручаться за себя?



Левъ Николаевичъ  
Толстой.

Родился въ 1828 году.

— Почему вы думаете, что я такъ молода? Мнѣ уже восемнадцать лѣтъ, я совсѣмъ не такъ молода...

Однимъ словомъ, уговаривать было невозможно: вѣдь все равно она бы завтра уѣхала, но только съ грустію, что я ее не одобрилъ.

— Ну, Богъ съ вами,—сказалъ я,—ступайте. Но кончится дѣло—пріѣзжайте скорѣй назадъ.

— О, разумѣется, мнѣ надо сдать экзамень. Но вы не повѣрите, какъ вы меня обрадовали.

Она ушла съ сіяющимъ лицомъ и ужъ, конечно, черезъ недѣлю будетъ тамъ.

Ф. М. Достоевскій.

## О Г О Н Ъ К И.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами, мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко...

— Ну, слава Богу,—сказалъ я съ радостью,—близко ночлегъ!

Гребецъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весло.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выстукая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребець былъ правъ: оказалось, дѣйствительно далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней—приближаться, побуждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью... Кажется, вотъ-вотъ еще два три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ — далеко!..

И долго еще мы плыли по темной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня, — все такъ же близко и все такъ же далеко...

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!..

*В. Короленко.*

X 8575

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Ломоносовъ . . . . .	5
Звѣзды . . . . .	6
При огонькѣ . . . . .	7
Помощникъ . . . . .	10
Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ . . . . .	12
О, не забудь, что ты—должникъ . . . . .	13
Пѣсня работника . . . . .	14
Въ нѣмецкой деревнѣ . . . . .	15
Трудиющемуся брату . . . . .	21
Пѣсня Еремушкѣ . . . . .	22
Другу . . . . .	27
Кубокъ . . . . .	28
Перчатка . . . . .	36
Впередъ . . . . .	38
Пловецъ . . . . .	40
Послѣдняя борьба . . . . .	42
Притча рабби Менахема . . . . .	43
Бѣглець . . . . .	53
Медленно движется время . . . . .	59
Впередъ . . . . .	61
Святая . . . . .	62
Другъ мой, братъ мой . . . . .	64
Ты жаждалъ правды, жаждалъ свѣта . . . . .	66
Призывъ . . . . .	67
Русскій языкъ . . . . .	69
Великое слово . . . . .	—
Парусъ . . . . .	70
Русь . . . . .	71
Пѣсня о соколѣ . . . . .	72
Пѣсня о Буревѣстникѣ . . . . .	78
Изъ „Рыцаря на часъ“ . . . . .	80
Добрая память . . . . .	84
Цвѣтокъ въ тюрьмѣ . . . . .	86
Двѣ дороги . . . . .	88
Самоотверженная дѣвушка . . . . .	92
Огоньки . . . . .	96

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ  
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ  
Н. В. ТУЛУПОВА и П. М. ШЕСТАКОВА.  
Очерки и рассказы для первоначальнаго  
знакомства съ исторіей.**

Со многими рисунками и снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

1. Изъ жизни первобытнаго человѣка.

2. Изъ исторіи русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка включительно.

Изданіе второе, переработанное и значительно дополненное. М. 1909 г. 416 стр. Ц. 90 к.

**Отзывы печати:** „Въ нашей пока еще скудной популярной литературѣ по русской исторіи «Очерки» являются полезнымъ приобретениемъ: они какъ бы суммируютъ, подводятъ итоги тому, что появилось въ этой области за послѣдніе три-четыре года, даютъ выборку матеріала, который можетъ быть использованъ совсѣмъ неподготовленнымъ или мало подготовленнымъ.

„Это—первый опытъ дать хрестоматію по русской исторіи, которая удовлетворяла бы требованіямъ современной школы; хозяйство и духовная культура, общественный строй и политическія учрежденія—таковы темы, которыя встрѣтитъ читатель въ книгѣ, вмѣсто утомительныхъ подробностей внѣшней исторіи, батальныхъ картинъ, преданій и житій, — обычнаго содержанія аналогичныхъ изданій. Ясность и легкость изложенія, обиліе рисунковъ въ текстѣ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, увеличиваютъ достоинства книги; она послужитъ хорошимъ пособіемъ по исторіи въ народной школѣ и въ младшихъ классахъ гимназій, гдѣ проходится элементарный курсъ русской исторіи, не говоря уже о ней, какъ объ интересной книгѣ для домашняго чтенія“. „Русскія Вѣдомости“, № 260, 1907 г.

## **Наша родина.**

Географическая хрестоматіи, для старшихъ отдѣленій начальныхъ училищъ, городскихъ, торговыхъ и воскресныхъ школъ, младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для самообразованія лицъ, окончившихъ начальную школу.

387 рисунковъ въ текстѣ, 2 географическихъ карты и 8 диаграммъ въ краскахъ.

Изд. 2-ое. Москва. 1910 г., стр. 632. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ папкѣ 1 руб. 75 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ДОПУЩЕНА въ ученическія бібліотеки городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ.

**Отзывы печати о „НАШЕЙ РОДИНѢ“:** „На ряду съ сообщеніемъ обильнаго фактическаго матеріала по фактической географіи, этнографіи и статистикѣ Россіи и ея различныхъ частей, составители хрестоматіи, видимо, стремились прежде всего пробудить въ своихъ юныхъ читателяхъ дѣятельный, живой интересъ къ тому или иному краю ихъ родины, внушить имъ при посредствѣ художественныхъ описаній и разсказовъ любовь къ природѣ и людямъ. Съ этой цѣлью составители привлекали матеріалъ, который обычно не получаетъ мѣста въ географическимъ сборникахъ. Таковы отдѣльные эпизоды и сцены изъ описаній туристовъ, бытовые очерки нашихъ художниковъ слова, историческія экскурсіи въ прошлое отдѣльных мѣстностей и даже стихотворенія. Здѣсь, вслѣдъ за общимъ вводящимъ очеркомъ какого-нибудь края, мы встрѣчаемся съ отрывками изъ сочиненій Короленко, Мамина-Сибиряка, Бунина, Елпатьевскаго и др. Связавъ географическій матеріалъ съ художественными образцами, составители идутъ дальше и предлагаемая ими свѣдѣнія закрѣпляютъ въ памяти и чувствѣ читателей картинами и описаніями, имѣющими историко-литературное значеніе. „Гоголевскіе уголки“ Филиппова, „На могилу Шевченко“ Бѣлоусова, „На родинѣ Л. Н. Толстого“ Сергѣенки, „Въ Пушкинскомъ уголкѣ“ и др., всѣ эти картинки, вставленные въ рамку общаго географическаго содержанія книги, придають послѣдней характеръ „живой географіи“. Хрестоматія щедро иллюстрирована, почти 400 рисунками, правда, иногда чересчуръ мелкими. Кромѣ рисунковъ, непосредственно поясняющихъ текстъ, не мало снимковъ съ картинъ художниковъ—Левитана, Рѣпина, Куинджи, Айвазовскаго, Ге, Нестерова и др.; эти снимки также сообщаютъ хрестоматіи особое воспитывающее значеніе. Новостью въ книгѣ гг. Г. и Ш., въ ея общей части, является нѣсколько (8) диаграммъ, которыя наглядно сопоставляютъ между собой числа значительной величины, напр., длину важнѣйшихъ рѣкъ, распредѣленіе населенія Россіи по племенамъ, по роду занятій, населенность различныхъ городовъ и проч.“. *„Русскія Вѣдомости“*, № 256, 1908 г.

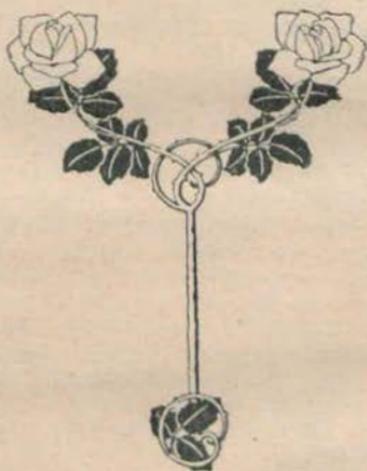
## Толковый и географическій школьный словарь.

М. 1910 г. Цѣна 20 коп. Изд. 2-ое. 26-ая тысяча экземпляровъ. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущенъ въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (См. журналъ „Мин. Нар. Пр.“, ноябрь 1909 г.)

Изъ предисловія. „Въ словарь вошли слова, во-первыхъ, трудныя для пониманія, во-вторыхъ, представляющія затрудненія въ географическомъ отношеніи“.



28



Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

**СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ**

во всѣ книжные магазины Т-ва И. Д. СЫТИНА, а также въ контору  
журнала „ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ“ (Москва, Полянка, Успен-  
скій пер., д. № 8).



WKM  
MB





2007079054